

Очнувшись, Селоя обнаружил, что заперт в тесном стеклянном сосуде.

Вокруг царил крошечный мрак, нарушаемый лишь тусклым зеленоватым свечением нескольких круглых сфер, зависших в воздухе. Селоя осторожно протянул руку, желая коснуться их, но пальцы наткнулись на холодную преграду. Раздался тихий, чистый стук.

Этот звук сработал будто невидимый переключатель: в то же мгновение комната залилась ослепительно ярким светом.

Селоя зажмурился и интуитивно прикрыл лицо ладонью, но резкая вспышка все равно полоснула по глазам. На ресницах выступили невольные слезы. Силясь хоть что-то разглядеть сквозь пелену, он сощурился и поднял голову — и тут же наткнулся на чужие взгляды.

Прямо перед сосудом стояли люди в белых робах. Они не сводили с него глаз, что-то спешно строча в своих планшетах. Чуть поодаль застыл воин в тяжелых латах. Лениво и небрежно он протирал лезвие длинного кинжала, но его хищный, цепкий взор намертво пригвождал Селою к месту.

Селоя мелко задрожал. От чужого взгляда веяло могильным холодом: так смотрят не на живое существо, а на бездыханный труп или диковинный трофей.

Один из людей в белых робах опустил перо, нахмурился и, покачав головой, обратился к латнику:

— По внешнему виду не определить, ангел перед нами или нет. Придется тебе взять у него немного крови или срезать кусочек плоти для анализа.

Латник поиграл кинжалом, перехватив его поудобнее. Он хищно облизнул зубы и, плотоядно уставившись на Селою, охотно кивнул:

— Это без проблем. Мой клинок не знает промаха. Обещаю, господа даже не заметят изъяна на главном блюде предстоящего пира. Моя сталь испила немало людской крови, но вот ангельской ей еще пробовать не доводилось.

Тяжело ступая, воин подошел вплотную к сосуду. Одной рукой он накрыл стеклянную крышку, другой обхватил колбу за основание и без видимых усилий встряхнул её.

Селоя, до этого сжимавшийся на самом дне, от резкого толчка потерял равновесие. Его швырнуло из стороны в сторону; потеряв опору, он покатился по круглому дну, словно мячик. Голова закружилась, колени подогнулись, лишая всякой возможности подняться. Ему оставалось лишь беспомощно сносить чужие издевательства.

Воротник грубо натянулся — чья-то сильная рука бесцеремонно выудила Селою наружу. К затылку прижалась леденящая сталь кинжала, слегка оцарапав нежную кожу. Мальчик

судорожно сглотнул, его ресницы мелко затрепетали. Он со всей отчетливостью осознал: его хотят убить. Настоящая, осязаемая жажда крови исходила от этого человека.

Этот наемник вовсе не собирался ограничиться парой царапин ради анализа плоти, как уверял ученых. Ему была нужна его жизнь.

Осознание этого факта сковало Селю первобытным страхом. В голове лихорадочно бился один и тот же вопрос: кому он мог помешать? Кто подослал убийцу? Ведь с момента его появления в этом мире не прошло и двух дней, он толком никого не видел. Неужели это враги Деро?

Селю обиженно надул губы и еле слышно пробормотал:

— Скверный Деро... Бросил меня здесь совсем одного и даже не думает возвращаться.

— Хм? Чего ты там лопочешь?

Латник не расслышал тихих слов. Склонившись к самому уху Селю, он издевательски поинтересовался:

— Решил надиктовать предсмертное желание? Так и быть, могу передать парочку слов господину, что притащил тебя сюда. Неужели тебе совсем нечего сказать? Неужто так покорно примешь смерть?

Умирать Селю, конечно же, не хотелось. Но он прекрасно понимал: этот человек лишь притворяется участливым. Стоит выдать свою связь с Деровиэлем — и они оба окажутся под ударом. Смертельная ловушка захлопнется.

Опустив ресницы, мальчик испуганно сжался и, прикусив губу, еле слышно пролепетал:

— Не нужно... Я... я совсем не знаю того господина. Он просто похитил меня.

Латник прищурился. Его недоверчивый, испытующий взор скользнул по спине ребенка, словно пытаясь разглядеть скрытые под одеждой крылья.

Он вспомнил, как перед началом осмотра дворецкий отозвал его в сторону и дал четкие указания. Все они касались этого странного ребенка:

[Во-первых, выяснить, действительно ли он ангел.]

[Во-вторых, выведать, в каких отношениях он состоит с господином Велем.]

[В-третьих, нанести смертельный удар и проверить, явится ли Вель ему на выручку.]

Пока ни один из пунктов не был выполнен. Латник неторопливо размял запястья. Суставы отозвались сухим хрустом — палач готовился к расправе.

Ученый в белой робе, получивший, по всей видимости, схожие инструкции, отбросил привычное хладнокровие. Напустив на себя маску фальшивой заботы, он заговорил притворно-мягким голосом:

— Будь аккуратнее. Это ведь главное блюдо для королевского пира, который состоится через пару дней. Наверху требуют, чтобы тушка была целой и презентабельной. Смотри не увлечись, как обычно: если покровсаешь его так, что костей и мяса не досчитаемся, зрелище выйдет на редкость уродливым.

Услышав это, Селоя сжался еще сильнее, едва не утыкаясь носом в собственную грудь. Он до крови закусил губу, чувствуя, как сердце испуганной птицей бьется о ребра, готовое вот-вот выскочить наружу.

Острое лезвие скользнуло к его шее. Селоя зажмурился, сжавшись в ожидании резкой, обжигающей боли.

Но вместо удара за спиной лишь пронесся легкий, едва ощутимый порыв сквозняка.

Минуты тянулись бесконечно долго, но ничего не происходило. Недоумевая, Селоя осторожно открыл глаза и обернулся, чтобы понять, что заставило палача помедлить.

У входа, небрежно прислонившись к дверному косяку, стоял Деровиэль. На его губах играла едва заметная, загадочная усмешка.

А те, кто мгновение назад со знанием дела обсуждали, как ловчее разделать ребенка, застыли на месте подобно безжизненным манекенам. Они не могли даже пошевелить зрачками — время для них словно остановилось.

Селоя поспешно сполз со стола. Потирая ушибленные бока, он почувствовал, как глаза предательски защипало от слез. Слишком свежи были воспоминания о том, другом Деровиэле из будущего, с которым они делили тепло и заботу. И пусть рассудком Селоя понимал: этот, нынешний Деровиэль его почти не знает и вряд ли растрогается при виде его слез — совладать с нахлынувшими чувствами было выше его сил.

Один взгляд на этого грозного демона будил в нем непреодолимое желание капризничать, искать защиты и проситься на ручки. И пускай именно по воле этого существа он оказался в смертельной ловушке, Селоя все равно безотчетно тянулся к нему всем сердцем.

Он снова протянул к нему тонкие ручонки — точно так же, как и при их первой встрече в этом времени, — и тихо, умоляюще попросил:

— Хочу на ручки.

Деровиэль замер, так и не опустив до конца руку. На его лице отразилось искреннее недоумение. Что за каприз? С какой стати этот человеческий детеныш ведет себя так фамильярно? Неужели он, грозный Король демонов, казался кому-то добродушным добряком, готовым нянчиться с каждым встречным?

Он напустил на себя самый суровый вид, собираясь жестко оборвать наглеца.

Но, взглянув на Селю, дрогнул.

Заплаканное личико, обиженно надутые губы, всхлипывающий вздох...

Казалось, откажи он сейчас этому крохе — и совершит нечто непоправимо жестокое, самое страшное преступление на свете.

Деровиэль не понимал, почему в груди странно заныло. Он невольно прижал ладонь к сердцу, покоренный внезапной и пугающе отчетливой мыслью:

«Если я сейчас отвернусь от него, то буду жалеть об этом всю оставшуюся жизнь».

Заметив нерешительность демона, Селю расстроился еще сильнее. Он сердито потер глаза кулачками, смахивая непрошеные слезы, и упрямо потянулся еще выше.

— Ну обними меня, — жалобно повторил он.

Крепость Повелителя Гордыни пала. Деровиэль медленно подошел, склонился над столом и бережно подхватил сокрушенно шмыгающего носом мальчишку на руки.

Прижав ладонь к теплой щеке ребенка, он негромко, но строго произнес:

— Хватит сырость разводить. Раз уж попал сюда, учись быть сильным.

Он заглянул ему в глаза и добавил:

— В Царстве демонов слезы — лишь приманка. Чем больше плачешь, тем сильнее окружающим хочется тебя растерзать. Уяснил?

Селю послушно закивал. Уткнувшись носом в плечо Деровиэля, он замер, впитывая родной, успокаивающий аромат. Страх мгновенно улетучился, уступая место чистой, безмятежной радости. Он весь так и засветился от счастья, словно золотистый первоцвет, согретый первым весенним солнцем.

Деровиэль тихо вздохнул и поднял взгляд на застывших пленников. Только сейчас он вспомнил об истинной цели своего визита. Усадив Селю поудобнее, он потянулся к разложенным на столе шприцам и пустым стеклянным флаконам.

Селю заворуженно следил за его движениями, а затем с опаской прошептал:

— Деро... Я очень, просто ужасно боюсь боли. Пожалуйста, будь аккуратнее, когда станешь брать у меня кровь. Обещаю, я буду сидеть тихо-тихо и даже не пискну!

Деровиэль удивленно изогнул бровь. Окинув мальчика странным взглядом, он с недоумением переспросил:

— Брать у тебя кровь?

— Ну да, — Селю округлил глаза, искренне не понимая, почему демон замешкался. Решив, что тот просто не в курсе местных порядков, он поспешил объяснить: — Меня ведь собираются подать к столу на королевском пиру. Эти люди как раз хотели набрать моей крови для проверки. Раз уж ты их заколдовал, тебе и придется это сделать.

До Деровиэля наконец дошел смысл слов мальчишки. На его лице отразилось искреннее веселье; сдержать короткий смешок так и не удалось.

Он легонько щелкнул Селю по лбу и хмыкнул:

— Дуралей. Если бы мы взяли твою кровь, пиши пропало. Я лишь пустил им пыль в глаза, назвав тебя ангелом, а ты и впрямь поверил? Стоит лекарям провести анализ и обнаружить подлог — тебя казнят на месте. Голова у тебя на плечах есть или только для красоты?

В лаборатории воцарилась мертвая тишина.

Селю застыл как изваяние. Он заворуженно наблюдал, как Деровиэль ловким движением сорвал колпачок с иглы и, не колеблясь ни секунды, вонзил её в собственное предплечье. В прозрачный цилиндр шприца густой струей хлынула сияющая золотом кровь.

Первый флакон наполнился мгновенно.

Однако Деровиэль даже бровью не повел. Хладнокровно отставив полный сосуд, он взял следующий и продолжил наполнять его драгоценной влагой.

Он не остановился, пока все приготовленные склянки до единой не наполнились до краев золотым сиянием.

Золотистая жидкость мягко мерцала за тонким стеклом, распространяя вокруг себя едва ощутимое, ласковое тепло. Селю смотрел на эти склянки, и кусочки мозаики в его голове

наконец-то сложились в единую картину. Он понял, чья кровь хранилась в тех таинственных флаконах, которые он видел когда-то в будущем.

Ему было больно думать о том, насколько безжалостен Деровиэль к самому себе. Если за один раз он отдал так много, то сколько же литров собственной крови он пролил за все те долгие годы, что провел в этом замке?

Сердце Селой сжалось от щемящей нежности и тоски.

Ему безумно, до крика хотелось признаться Деровиэлю во всем прямо сейчас. Сказать то, что он так и не успел произнести в будущем.

«Я ведь не лгу... Я действительно ангел. Такой же, как и ты — рожденный без крыльев».

<http://bllate.org/book/20120/1998287>